

Густой осенний туман с утра окутывал обширный двор княжеского замка, но сквозь его редющую завесу уже неясно различалась суeta конных и пеших охотников. Торопливые сборы близстоящих были видны довольно отчетливо; кто отпускал, кто подтягивал стремяна, кто подавал ружье или патроны, кто пристегивал ягдташ, меж тем как собаки от нетерпения едва не валили с ног псаря, державшего их на своре. Изредка вскидывалась лошадь, норовистая по природе или прищипоренная ездоком, желавшим, даже в полумраке, покрасоваться перед другими. Приходилось, однако, ждать князя, долго прощавшегося с молодой супругой.

Лишь недавно вступившие в брак, они уже наслаждались счастливым единением душ. Оба характера живого и деятельного, старались вникнуть в склонности и помыслы друг друга. Отец князя еще дожил до счастливой уверенности, что все его ближайшие сотрудники проводят свои дни в усердной деятельности, в неустанных трудах и заботах и что никто из них не станет предаваться веселью, прежде чем не исполнит своего долга.

Насколько все это сбылось, можно было судить теперь, когда народ начал стекаться на оживленный торг, собственно, уже заслуживавший названия ярмарки. Накануне князь с княгиней проехали верхом среди наваленного горами товара, и он обратил ее внимание на то, как бойко здесь торгуют жители гор с жителями равнины; так князь наглядно знакомил жену с производительностью принадлежащих ему земель.

Хотя сам князь проводил почти все эти дни со своими советниками за обсуждением неотложных дел и всего усерднее работал с министром финансов, права егермейстера тоже оставались в силе, и невозможно было устоять перед соблазном, когда тот предложил воспользоваться чудесной осенней погодой для выезда на охоту, которая не раз уже откладывалась, и устроить наконец долгожданный и редкий праздник для себя и для съехавшихся гостей.

Княгиня с неудовольствием осталась дома; но что поделаешь, охотники решили проникнуть высоко в горы и всполошить мирных обитателей тамошних лесов неожиданным воинственным набегом.

Прощаясь, князь посоветовал жене совершить прогулку верхом в сопровождении принца Фридриха, его дяди. «Я оставляю тебе, — сказал он, — еще и нашего Гонорио в качестве шталмейстера и камер-юнкера; он обо всем позаботится». С этими словами князь стал спускаться по лестнице, на ходу отдавая распоряжения статному молодому человеку; затем он ускакал со всеми гостями и свитой.

Княгиня, помахав платком супругу, пока тот еще находился во дворе замка, удалилась во внутренние покои, откуда открывался широкий вид на горы, вид тем более прекрасный, что замок стоял высоко над рекой, а потому куда бы ни обратился взор, всюду ему встречались разнообразные, величественные ландшафты. Она подошла к превосходному княжескому телескопу, наставленному еще накануне, когда собравшиеся, мирно беседуя, разглядывали по верху кустарников, гор и лесных вершин высокие руины древнего родового замка, четко вырисовывавшиеся при вечернем освещении; в эти часы огромные массивы света и тени давали наиболее ясное представление о величественном памятнике былых времен. Сегодня утром сквозь увеличительные стекла особенно яркой казалась осенняя окраска многообразных деревьев, в течение долгих лет свободно и беспрепятственно росших среди полуразрушенных стен. Молодая женщина опустила телескоп несколько ниже — в направлении пустынной каменистой равнины, по которой должна была промчаться охота; она терпеливо ждала этого мгновения и не обманулась в своих ожиданиях. Сквозь ясные и сильно увеличивающие стекла телескопа ее заблестевшие глаза отчетливо разглядели князя и обер-шталмейстера; она даже не удержалась, чтобы еще раз не помахать им платком, заметив, или, вернее, угадав, что они на мгновение придержали лошадей и оглянулись на ее окна.

Но здесь доложили о дядюшке, принце Фридрихе, который и не замедлил войти в сопровождении придворного художника, державшего в руках большую папку.

— Любезная племянница, — произнес этот бодрый пожилой господин, — мы принесли вам виды старого замка; они запечатлены с разных сторон, дабы наглядно показать, как эта могучая твердыня веками сопротивлялась воздействию времени и погоды и как все-таки местами подалась, а кое-где и вовсе рухнули ее стены. Мы уже кое-что предприняли, стараясь сделать доступнее эти дебри, а большего и не требуется, чтобы привести в изумление и восторг любого путника, любого из наших гостей.

Раскладывая перед нею отдельные листы, принц продолжал:

— Здесь, у конца хода, прорытого под крепостными стенами, перед нами вдруг вырастает скала, одна из самых неприступных во всей этой горной цепи; ее венчает башня, но кто отважится сказать, где здесь кончается природа и начинается искусство, рукоделие. Подальше, в стороне, видны стены, примыкающие к башне, и укрепления, которые уступами окружают ее. Хотя правильнее было бы сказать, что эти древние вершины окружает лес. Вот уже полтора века не раздавался здесь стук топора, и повсюду разрослись исполинские деревья; подступы к стенам преграждают стволы и корпы высоких кленов, корявых дубов и стройных пихт, так что нам

пришлось долго ломать голову над возможностью здесь бы самые извилистые тропинки. Взгляните, как превосходно сумел ваш художник уловить все характерное, как отчетливо воссоздал он на бумаге разнородность стволов и корней, сплетающихся среди каменье, или могучих суков, пробившихся сквозь расселины. Эта неповторимая чаща — единственное, случайно уцелевшее место, где еще виден след суровой борьбы между давно почившими людьми и вечно живой, неустанно творящей природой.

Вынув из папки другой лист, принц продолжал:

— А что вы скажете о дворе, доступ к которому преградили развалины надвратной башни? С незапамятных времен не ступала по нему нога человека. Мы решили проникнуть во двор сбоку, проломил стену, взорвали некоторые своды и таким образом проложили удобный, хотя и потайной ход. Расчищать двор изнутри не было надобности, так как он расположен на скалистом плато, которое выровняла сама природа; впрочем, исполинские деревья и здесь умудрились пустить корни. Они росли медленно, но упорно, и ветви их проникли в галереи, где некогда расхаживали рыцари; через двери и окна они вторглись даже в сводчатые залы, и мы не собираемся изгонять их оттуда; раз они стали здесь господами, так пусть ими и остаются. Разметая многолетний настил сухих листьев, мы открыли столь удивительно ровную, естественную поверхность, что подобной, пожалуй, не сыщется нигде в мире.

Есть там и еще нечто весьма примечательное, в чем стоит убедиться собственными глазами. На ступенях, ведущих в главную башню, некогда пустил корни клен. Подымаясь вверх, чтобы насладиться необъятными просторами, открывающимися с ее зубцов, мы с трудом протиснулись мимо него. Но, и взобравшись туда, все еще оставались в тени его ветвей. Ибо клен и есть то самое дерево, которое на удивление людям высоко вздымается над всей округой.

Итак, давайте от души поблагодарим нашего любезного художника, сумевшего запечатлеть это на бумаге так, что кажется, будто мы все видим собственными глазами. Он тратил на работу лучшие часы дня и лучшие дни времен года, неделями живя среди этого мира. Там мы постарались устроить приятное жилье для него и для сторожа, которого отрядили ему в помощники. Вы не поверите, дорогая, сколь прекрасные виды открываются оттуда на всю округу, на двор и стены Замка. Теперь, когда рисунки уже ясны и отчетливы, ему будет удобнее закончить их здесь, внизу. Этими картинами мы украсим садовый павильон, чтобы каждый, кто восхищается нашими по линейке разбитыми цветниками, беседками и тенистыми аллеями, почувствовал бы желание уединиться там, наверху, созерцая рядом со старым, неподвижным, неподатливым также и новое — гибкое, влекущее, победоносное!

Вошел Гонорио и доложил, что лошади поданы; княгиня, оборотясь к дядюшке, сказала:

— Давайте поедем туда, наверх, чтобы я могла полюбоваться в действительности тем, что вы мне сейчас показали. Я слышу об этой затее с тех пор, как живу здесь, но лишь теперь мне захотелось своими глазами увидеть то, что, по рассказам, мне казалось невысказанным, да и сейчас, на рисунке, все еще кажется неправдоподобным.

— Повремените, моя милая, — возразил принц, — вы видели здесь то, чем все это может стать и станет; сейчас еще многое только в зачатке. Искусство должно достигнуть совершенства, чтобы не устыдиться природы.

— Ну, так поедемте наверх, хотя бы до подножия горы: мне сегодня очень хочется вволю насладиться простором.

— Как вам будет угодно, — отвечал принц.

— И поедемте через город, — продолжала молодая женщина, — через рыночную площадь, которая из-за бесчисленного множества лавок и балаганов ходит теперь не то на маленький город, не то на военный лагерь. Кажется, там сосредоточены и выставлены напоказ все потребности и занятия жителей нашего княжества; вдумчивый наблюдатель видит все, что потребляет, а также, что производит человек, временами даже начинает казаться, что деньги никому не нужны, ибо любая сделка может быть совершена путем обмена. Да так оно, собственно, и есть. После того как князь вчера навел меня на эти мысли, мне приятно сознавать, что у нас, на рубеже гор и равнины, столь очевидны нужды и потребности жителей того и другого края. Во что только горцы не превращают дерево своих лесов, чего только не изготовляют из железа; жители же равнины встречают их товарами столь разнообразными, что иногда не поймешь, из чего они сделаны и для чего предназначены.

— Я знаю, — отвечал принц, — мой племянник всему этому уделяет сугубое внимание. Теперь, осенью, конечно, важнее приобретать,

чем сбывать; ведь осенние запасы являются основой как общегосударственного, так и самого мелкого домашнего хозяйства. Не гневайтесь на меня, любезнейшая, но я очень неохотно езжу по ярмарке; на каждом шагу тебя останавливают, задерживают, да к тому же мне всякий раз представляется ужасное бедствие, навеки выжженное в моем воображении: я снова вижу, как гибнут в огне груды товаров и прочего добра... Я и сам едва...

— Не стоит упускать лучших часов, — перебила его княгиня: достойный старик уже не раз повергал ее в трепет подробнейшим описанием этого бедствия. Когда-то давно, путешествуя, он остановился в лучшей гостинице на площади, где как раз шумела ярмарка. Очень усталый, он лег в постель, а ночью в ужасе проснулся от криков и пламени, уже бившегося о стены дома.

Княгиня торопливо вскочила на свою любимую лошадь и вместо того, чтобы, выехав через задние ворота, направить ее вверх, двинулась через передние под гору, увлекая за собою поневоле покорного спутника. Ибо кто поступил бы удовольствием ехать подле нее, кто бы с радостью не последовал за ней? Ведь и Гонорио добровольно отказался от давно вожденной охоты, чтобы, оставшись дома, служить только ей одной.

По ярмарочной площади, как и следовало ожидать, они ехали медленно, шагом; но прелестная всадница оживляла любую задержку веселыми, остроумными замечаниями.

— Я все твержу вчерашний урок, — говорила она, — раз уж нам приходится испытывать свое терпение.

И вправду, толпа так плотно обступила их, что они с трудом продвигались вперед. Народ любовался юной княгиней; улыбки на многих лицах говорили о том, как им приятно, что первая дама страны в то же время самая красивая и привлекательная.

Вмешавшись в толпу, стояли здесь горцы, обитатели мирных хижин, затерянных среди скал, ельника и сосняка, и жители равнины, что явились сюда, оставив свои холмы, нивы и луга, а также ремесленники из маленьких городков и прочий люд. Окинув их внимательным взглядом, княгиня заметила своему спутнику, что все здесь, кто бы они ни были, израсходовали на свои платья больше, чем надобно, сукна, полотна и лент на отделку. Видно, для того чтобы понравиться друг другу, и женщины и мужчины хотят выглядеть как можно более пышно и солидно.

— Не будем порицать их за это, — отвечал дядюшка, — на что бы человек ни тратил свои избытки, ему это доставляет радость, особенно же приятно украсить себя, одеться понаряднее.

Княгиня молча кивнула ему в знак согласия. Так они мало-помалу выбрались из толчеи на окраину города, где позади палаток и лавок виднелся большой дощатый балаган. Не успели они его заметить, как до их ушей донесся грозный рев. Видимо, настал час кормления выставленных там напоказ диких зверей. Все заглушало могучее рыканье льва — глас лесов и пустынь. Лошади шарахнулись, у всадников невольно мелькнула мысль о том, как страшно возвещает о себе царь пустыни здесь, среди мирных хлопот и трудов цивилизованного мира. Когда они поравнялись с балаганом, им бросились в глаза огромные пестрые картины, на которых ярчайшими красками были намалеваны заморские звери с целью внушить мирному обывателю непреодолимое желание взглянуть на них. Огромный свирепый тигр прыгал на мавра, готовясь растерзать его; лев стоял поодаль, величавый и важный, словно не находя себе достойной добычи; другие диковинные пестрые звери рядом с этими исполинами уже не привлекали особого внимания.

— На обратном пути, — сказала княгиня, — мы сойдем здесь и полюбуемся на редких гостей.

— Удивительно, — вставил принц, — что страшное всегда возбуждает человека. Там, в балагане, тигр спокойно лежит в своей клетке, а здесь его заставляют бросаться на мавра, чтобы мы думали, будто и в этих стенах увидим такого же свирепого хищника. Неужели мало в мире убийств, пожаров, гибели и разрушений? А ведь странствующие певцы на каждом углу поют о них. Видно, добрым людям надо сперва испытать немалый страх, чтобы потом почувствовать радость и уладу спокойной жизни.

Если в душах наших всадников еще оставалось какое-то жуткое чувство, вызванное этими устрашающими картинами, оно медленно развеялось, как только они, миновав городские ворота, очутились среди прекрасной и радостной природы. Дорога шла сперва вдоль реки; поток, сначала узкий и могучий нести лишь утлые лодки, в дальнейшем ширился и, сохраняя все то же наименование, орошал уже иные страны. Медленно поднимаясь в гору, они проезжали мимо заботливо выращенных парков и фруктовых садов. Немного далее их

Взорам открылись возделанные поля — благоденствующий край. Но вот наших путников привечать сначала редкий кустарник, а затем и лесные кущи; прелестнейшие виды, куда ни глянь, освежали и радовали их взор. Бархатистые луга, расстилавшиеся у подножия горы, лишь недавно скошенные во второй раз, орошались веселым и обильным потоком, низвергавшимся с горной вершины. Дальше дорога вела к более высокому и открытому месту, которого всадники достигли после довольно крутого подъема. Но и оттуда возвышавшийся над скалами и верхушками деревьев старый замок — цель их паломничества — открылся им еще только вдали, за перелесками. А позади, — ибо, добравшись сюда, невозможно было не оглянуться, — сквозь ветви высоких деревьев виднелись слева — княжеский дворец, освещенный лучами утреннего солнца, и красиво застроенная верхняя часть города, слегка замутненная дымом, справа — нижний город, река с ее извилами, луга, мельницы и плодородная долина.

Вдосталь налюбовавшись этим видом, или, вернее, как это часто бывает при созерцании природы с такой высоты, лишь теперь ощутив желание увидеть еще более дальние, еще менее ограниченные горизонты, они въехали на широкое каменистое плато, откуда могучие руины предстали перед ними, подобные увенчанному зеленью пику. Глубоко внизу, у его подножия, росло несколько старых раскидистых деревьев. Продолжая продвигаться вперед, они приблизились к замку с самой крутой и неприступной стороны. Здесь испокон веков высились могучие скалы, не подверженные переменам, стойкие и неколебимые; глыбы, отколовшиеся от них, лежали мощными пластами или хаотично громоздились друг на друга, казалось, преграждая подступ даже храбрейшему. Но кручи и стремнины, видимо, всегда манят молодость; брать приступом, завоевывать, покорять — наслаждение для юных сил. Княгиня склонялась совершить эту попытку, Гонорио всегда был готов следовать за нею, не возражал и принц-дядюшка, опасаясь прослыть немощным старцем. Лошадей решено было оставить внизу под деревьями, а самим взбираться до того места, где выступ могучей скалы образовывал естественную площадку. Вид, открывавшийся оттуда, был, собственно, почти уже видом с птичьего полета и тешил взор своей живописностью.

Солнце, близившееся к зениту, все заливало ясным светом: княжеский дворец с его флигелями, куполами и башнями выглядел отсюда еще величественнее; верхний город простирался во всю длину, под ним виднелся нижний, а в подзорную трубу можно было различить даже лавки на базарной площади. Гонорио, по обыкновению, не преминул захватить с собой этот полезный инструмент. Они разглядывали в него реку вверх и вниз по течению, пересеченную местность — гористую по одну сторону площадки и слегка пологую, всю в волнистых холмах, плодородную долину — по другую, и далее бесчисленное множество селений — ибо уже давно вошло в обычай, стоя здесь, заводить спор о том, сколько их отсюда можно увидеть.

Над бескрайними далями простиралась та ясная тишина, которая царит в полдень, когда, как говаривали древние, пан уснул и вся природа затаила дыханье, боясь разбудить его.

— Уже не в первый раз, — сказала княгиня, — я замечаю, что при таком широком кругозоре природа кажется столь мирной и светлой, словно нигде не происходит ничего дурного. Но стоит только вернуться в обитель человека, и всегда надо с чем-то бороться, спорить, что-то сглаживать и примирять.

Гонорио, тем временем разглядывавший город в подзорную трубу, воскликнул:

— Смотрите! Смотрите! На ярмарке занимается пожар!

Они обернулись и заметили небольшие клубы дыма; пламя растворялось в дневном свете. «Огонь распространяется!» — восклицали они, передавая трубу из рук в руки; впрочем, зоркая княгиня видела бедствие и невооруженным глазом. Время от времени уже вспыхивало алое пламя, клубами взвивался дым.

— Надо возвращаться, — сказал принц. — Как это печально. Я всегда боялся во второй раз пережить такое несчастье.

Когда они сошли вниз и направились к лошадям, княгиня предложила старику:

— Скачите вперед и возьмите с собой конюха, а мне оставьте Гонорио, мы тотчас последуем за вами.

Дядюшка понял, сколь разумно, более того — необходимо было принять это предложение, и двинулся вниз так быстро, как то позволял каменистый голый склон.

Когда княгиня села на лошадь, Гонорио обратился к ней:

— Прошу вас, ваша светлость, поезжайте медленно! Все противопожарные приспособления как во дворце, так и в городе находятся в полном порядке; этот случай, пусть неожиданный и чрезвычайный, не вызовет смятения. А быстрая езда по мелким камням и низкой траве небезопасна; все равно, куда мы доберемся, огонь будет уже потушен.

Княгиня ему не поверила; она видела, что дым становится все гуще, ей даже почудилось, что где-то блеснула молния и послышался удар грома. В воображении молодой женщины разом возникли, к несчастью, слишком глубоко воспринятые, страшные картины из рассказов почтенного дядюшки о некогда им пережитом пожаре на ярмарке.

И правда, ужасен был этот случай, когда в ночную пору на большой и тесной ярмарке огонь стал охватывать одну лавку за другой, прежде чем спавшие в этих непрочных строениях люди успели очнуться от глубокого сна; неожиданное и негаданное, это бедствие на всю жизнь оставило в душе воспоминание и боязливое чаяние повторного несчастья. Принц, едва успевший смежить глаза, подбежал к окну и увидел площадь, всю озаренную зловещим светом, и перекрестные языки пламени, справа и слева раввавшиеся навстречу тучам. Дома на базарной площади, освещенные заревом, казалось, уже тлеют и вот-вот, вспыхнув, рассыплются в прах; внизу огонь бушевал неудержимо: скрипели доски, трещала дранка, куски холста взлетали вверх; оставшиеся от них страшные лоскутья с рваными, еще пылающими концами носились в воздухе, словно злые духи в своей стихии, они непрерывно меняли образ и в неистовом плясе пожирали друг друга, чтобы тотчас же вновь возникнуть из жара и пламени. Но вот уже люди, пронзительно крича, бросились спасать первое, что попадалось им под руку; слуги и работники вместе с хозяевами пытались уволочь уже охваченные пламенем тюки, сорвать остатки товаров с горящих прилавков и запаковать их в ящики, которые в конце концов все же оставляли на добычу торопливому пламени. Стоило кому-нибудь взмолиться, чтобы огонь хоть на мгновение утих и дал ему опомниться, как с воем налетающее пламя уже охватывало все его добро. Часть площади пылала и накалялась, другая — еще была погружена в ночную тьму. Упорные и сильные волей люди яростно боролись с не менее яростным врагом. Перед внутренним взором княгини, к несчастью, вновь возникла вся эта бешеная сумятица; светлый утренний воздух как бы омрачился, луга и лес приняли странный, жуткий вид.

Очувшись в мирной долине, они не обратили внимания на ее освежающую прохладу и едва успели отъехать на несколько шагов от весело журчащего ключа, здесь, в долине, разливавшегося вольным ручьем, как княгиня внизу, в кустарнике, заметила диковинного зверя, в котором тотчас же признала тигра; он изогнулся к прыжку, точь-в-точь как тот, намалеванный на стене балагана. Когда к мерещившимся ей страшным картинам присоединилась еще и эта, она совсем растерялась.

— Спасайтесь, княгиня! Спасайтесь! — вскричал Гонорио.

Она повернула лошадь по направлению к крутому откосу, с которого они только что съехали. А юноша ринулся навстречу зверю, выхватил пистолет и выстрелил, когда счел расстояние достаточно близким. К несчастью, он промахнулся, тигр отпрянул, лошадь шарахнулась, и разъяренный зверь беспрепятственно продолжал свой путь в гору по следу княгини. Она гнала лошадь что есть силы вверх по каменистой круче, не думая о том, что благородное животное, непривычное к такому напряжению, не выдержит. Непрестанно понукаемая испуганной всадницей, лошадь споткнулась об осыпавшийся грунт раз, другой и, наконец, обессилев, пала наземь. Молодая женщина решительно и ловко соскочила с седла; лошадь поднялась, но тигр уже приближался, правда не особенно быстро. Неровная почва и острые камни задерживали его натиск, и только то, что Гонорио по пятам гнался за ним, видимо, подстрекало и раздражало его. Тигр и всадник одновременно достигли того места, где княгиня стояла подле лошади; Гонорио пригнулся, выстрелил и на этот раз попал прямо в голову хищнику; тот немедленно рухнул. Только теперь, когда он лежал распростертый во всю длину, можно было разглядеть ту устрашающую мощь, от которой ныне осталась одна лишь телесная оболочка. Гонорио спрыгнул с лошади, уперся коленями в зверя; сдерживая его последние содрогания, он правой рукой занес над ним охотничий нож. Юноша был прекрасен, движения его стремительны; таким видела его княгиня во время игр с копьем или кольцами. Так же точно попадал он тогда на всем скаку в голову турка, насаженную на кол, в лоб под тюрбаном, или, мчась на копе, поднимал с земли голову мавра. Он был весьма искусен во всех этих упражнениях. И как же ему это сейчас пригодилось!

— Кончайте его, — сказала княгиня, — я боюсь, что он поранит вас своими когтями.

— Прошу прощения, — отвечал юноша, — ему уже не встать, а я не хочу портить шкуру, которая зимой будет украшать ваши сани.

— Не кощунствуйте, — прервала его княгиня, — все, что есть благочестивого в глубине наших сердец, пробуждается с такие минуты.

— Я никогда не был благочестивее, чем сейчас, — воскликнул Гонорио. — Оттого я и думаю о радости: эта шкура дорога мне лишь потому, что будет сопровождать вас в ваших увеселениях.

— Она бы всегда напоминала мне эти страшные мгновения, — возразила молодая женщина.

— Простите, — отвечал юноша, и щеки его запылали, — это все-таки более невинный трофей, чем оружие поверженного врага, которое торжественно проносят перед победителем.

— Глядя на нее, я всегда буду помнить вашу отвагу, вашу ловкость. Я думаю, не стоит и говорить о том, что вы всю жизнь можете рассчитывать на милость князя и на мою благодарность! Но встаньте! Он уже мертв, надо подумать, как быть дальше. Встаньте же!

— Раз я уже преклонил колена, что во всякое другое время было бы мне запрещено, то дозвоьте же еще попросить вас о том снисхождении, той милости, которые мне обещаны. Я уже неоднократно обращался к вашему августейшему супругу с просьбой об отпуске, о разрешении предпринять далекое путешествие. Тот, кто имеет счастье сидеть за вашим столом, кому дарована честь занимать ваших гостей, тот должен повидать мир. Путешественники стекаются к вам со всех сторон, и когда речь заходит о каком-нибудь городе, о какой-нибудь значительной точке в другой части света, к вашему покорному слуге каждый раз, обращаются с вопросом, бывал ли он там. Никто не верит в разум человека, не видевшего всего этого собственными глазами; иногда мне просто кажется, что образование мы получаем не для себя, а для других.

— Встаньте, — повторила княгиня, — мне не очень приятно желать и просить того, что противоречит убеждениям моего мужа; но если я не ошибаюсь, причина, по которой он доселе удерживал вас, вскоре отпадет. Он намеревался дать вам возможность достичь зрелости и самостоятельности, приличествующих дворянину, для того чтобы с честью, не меньшей, чем здесь, при дворе, служить ему и в чужих краях; теперь, я думаю, ваш поступок будет наилучшей рекомендацией, какую только может получить юноша, вступающий в свет.

Княгиня не успела заметить, что вместо юношеской радости его лицо омрачила какая-то печаль, так же как он не успел дать волю своему чувству, ибо в гору торопливо всходила женщина вместе с мальчиком, которого она вела за руку, направляясь прямо к вышеописанной группе. Гонорио тотчас же вскочил на ноги, а женщина, рыдая и крича, бросилась на труп тигра. По этому поступку, равно как и по ее опрятной, но слишком пестрой и необычной одежде, они сразу догадались, что она хозяйка и прислужница распостертого здесь зверя. Черноглазый и чернокудрый мальчик, не выпускавший из рук флейты, плача, хотя и не столь горько, как его мать, и тоже, видимо, глубоко взволнованный, опустился рядом с ней на колени.

За страстными изъяснениями горя этой несчастной женщины время от времени следовал поток слов, прерывистый и бурный, как ручей, струящийся по порогам. Ее первобытная речь, короткая и отрывистая, звучала трогательно-проникновенно; попытка воспроизвести ее на нашем языке была бы тщетной, но приблизительный смысл этих слов мы все же постараемся передать:

— Они убили тебя, бедняга! Убили безо всякой нужды! Ручной, смирный, ты бы охотно прилег и подождал нас! Лапы у тебя болели и в когтях уже не было силы! Горячее солнце больше не укрепляло их! Ты был самым прекрасным из своей породы! Ну, кто не любовался тобой, когда ты вытягивался во сне, а теперь ты лежишь мертвый и уже никогда не поднимешься! Когда ты, просыпаясь при первом свете дня, раскрывал пасть и высовывал свой алый язык, казалось, ты улыбаешься нам, а потом ты, пусть рыча, но ведь и ласкаясь, брал пищу из рук женщины, из рук ребенка! Как долго мы сопровождали тебя в твоих странствиях! Как долго ты радовал и кормил нас! Да, да, лютые звери нас питали, могучие хищники ласкались к нам! Никогда уже этого не будет! Горе мне, горе!

Она еще продолжала причитать, когда над средней вершиной горы возле старого замка появилась кавалькада, в которой вскоре можно было узнать княжескую охоту; сам князь скакал впереди. Охотясь далеко в горах, они заметили пожар и, словно в неистовой погоне за зверем, понеслись через доли и ущелья прямоком на полыхавшее пламя. Вихрем взлетев на кремнистую прогалину, они остановились как вкопанные, заметив странную группу, которая с необычайной четкостью вырисовывалась на пустынном плоскогорье.

Первое мгновение встречи прошло в немом молчании, затем в немногих словах объяснилось то, что было непонятно с первого взгляда. Князь стоял, пораженный странным, неслыханным происшествием; вокруг него толпились всадники и подоспевшие вслед за ними пешие охотники. Впрочем, никто не пребывал в нерешительности; князь отдавал распоряжения, приказывал. Но вот толпа вдруг раздвинулась,

пропуская рослого человека в одежде, такой же пестрой и необычной, как та, что была на женщине и ребенке. Теперь уже все семейство предалось горю и отчаянию. Однако мужчина овладел собою и, стоя на почтительном расстоянии от князя, проговорил:

— Сейчас не время сетовать! Ах, господин мой и могучий охотник, лев тоже вырвался на свободу и бродит где-то здесь, в горах! Умилосердитесь, пощадите его! Не то он погибнет такой же смертью, как вот это доброе создание.

— Лев вырвался на свободу? — переспросил князь. — И ты напал на его след?

— Да, господин мой! Какой-то крестьянин там, внизу, который, спасаясь от него, вскарабкался на дерево, хотя это и незачем было делать, указал мне ту тропку налево; но я, увидав множество всадников, свернул с дороги, чтобы узнать, что здесь такое, и попросить о помощи.

— Итак, — решил князь, — охота направится в эту сторону. Зарядите ружья и осторожно приступайте к делу. Не беда, если вы загоните его глубоко в лес. Но все-таки, любезный, нам вряд ли удастся пощадить твоего зверя. Как же это вы их упустили?

— Когда вспыхнул пожар, — отвечал тот, — мы не суетились и все время были настороже. Огонь распространялся быстро, но вдали от нас; у нас было довольно воды, чтобы отстоять себя, но тут взлетел на воздух пороховой погреб, горящие головни стало перебрасывать к нам и через нас; мы слишком поторопились, и вот теперь — мы глубоко несчастные люди.

Князь еще продолжал отдавать распоряжения, как вдруг все замерли, увидев человека, торопливо сбегавшего вниз из старого замка. Вскоре в нем уже можно было узнать сторожа, того самого, что охранял мастерскую художника, жил в ней и присматривал за рабочими. Добежав и едва отдышавшись, он в немногих словах поведал следующее: наверху на самой высокой из стен, у подножия столетнего бука, на солнышке спокойно разлегся лев. Сторож добавил с досадой:

— И как это меня угораздило отдать в чистку свое ружье! Будь оно при мне, льву бы уже не подняться! Подумать только, что шкура досталась бы мне! Я бы всю жизнь хвалился ею...

Князь, которому его военный опыт и здесь пришел на помощь, ибо он уже не раз находился в положении, когда со всех сторон надвигаются неотвратимые беды, спросил:

— Можете ли вы поручиться, что лев, если мы его пощадим, не причинит зла моим подданным?

— Эта женщина и этот ребенок, — поспешно отвечал отец, — укротят его, и он будет смирно дожидаться, покуда я доставлю наверх железную клетку, в которой мы и свезем его обратно; так он никому не причинит вреда и сам останется невредимым.

Мальчик во время этого разговора потихоньку пробовал свой инструмент, в былые времена называвшийся сладкозвучной нежной свирелью. Это была короткая флейта, из которой всякий, кто умел с нею обращаться, мог извлекать прелестнейшие звуки. Князь между тем расспрашивал сторожа, каким образом лев пробрался наверх. Тот отвечал:

— Через подземелье. Долгое время замурованное с обеих сторон, оно в старину было единственным ходом в замок, единственным останется и впредь. Те две тропинки, которые вели наверх, мы так перерыли, что отныне никто уже не сможет проникнуть сюда иначе, как через этот узенький ход к заколдованному замку, ибо в таковой было угодно превратить его принцу Фридриху.

Князь ненадолго задумался, поглядывая на мальчика, по-прежнему тихонько наигрывавшего на флейте, и затем обратился к Гонорио:

— Ты сегодня немало совершил, доведи же начатое до конца. Вы займете узкую тропинку и будете держать ружья наизготовке, но

помните; стрелять лишь тогда, когда не будет другой возможности отогнать зверя. На всякий случай разведите огонь, чтобы отпугнуть его, если ему вздумается отправиться вниз. За остальное отвечают эти люди.

Гонорио поспешно отправился выполнять приказ.

Мальчик продолжал наигрывать свою мелодию. Собственно, это свободное чередование звуков даже нельзя было назвать мелодией; потому-то оно, вероятно, так и трогало сердце. Все стояли, зачарованные ритмом этих странных звуков, когда отец вдруг заговорил со сдержанным одушевлением:

— Господь даровал князю мудрость и познание, что все твари божии умудрены на свой лад. Посмотрите на скалу: она стоит крепкая, неподвижная, упорно сопротивляясь и непогоде, и палящему солнцу, столетние деревья венчают ее вершину, и в этой короне она озирает дали. Но если часть ее отколется, скала уже не будет тем, чем была. Она разобьется, и множество кусков усеют собою этот склон. Но и там не останутся обломки, они мигом скатятся вниз, ручей подхватит их и понесет к реке. Не ослушливые, не упрямо угловатые, нет, гладкие и круглые, они быстро пройдут свои пути из реки в реку и наконец попадут в океан, на поверхности которого бродят полчища великанов, а в глубинах копошатся карлики. Но кто осмелится воздать хвалу господину, если звезды славят его из века в век? И зачем всматриваться в дали? Взгляните сюда, на пчелу. Уже поздняя осень, а она ретиво собирает мед и строит свой дом по всем правилам, как опытный зодчий. Взгляните на муравья. Он знает свой путь и не собьется с него; он мастерит себе жилье из былинки, из крохотных комочков земли и сосновых игл, высоко возводит его вверх и перекрывает сводом. Но он трудился напрасно, конь ударил копытом и в прах разнес все строение. Смотрите! Он топчет балки муравьиного дома, разбрасывает доски, нетерпеливо фыркает, не зная устали; ибо господь сделал коня товарищем ветра и спутником бури затем, чтобы мужа он мчал, куда стремится его воля, а женщину — куда ее влечет желание. Но в пальмовой роще главенствует лев! Величавой поступью шествует он по пустыне. Там он царит над всем зверьем, и ничто не противится ему. Только человек знает, как укротить льва: самая грозная из всех тварей благоговейно склоняется пред образом и подобием божьим, по которому сотворены и ангелы, что служат господину и его слугам. Ибо и в львиной яме не утратился Даниил: в твердости, в уповании пребывал он, и львиный рык не мешал его благочестивым напевам.

Эту речь, произнесенную с неподдельным одушевлением, мальчик время от времени сопровождал прелестными звуками; когда же отец умолк, он стал напевать чистым, звонким голосом с необычайной выразительностью; отец взял флейту у него из рук и заиграл ему в унисон, мальчик пел:

Из пещеры в этой яме

Слышен мне пророка глас;

Сходят ангелы с дарами,

Страшно ль добрым в этот час?

Лев и львица снова, снова

Жмутся, льнут к нему тепло

Пенье узника святого

Их в тенета завлекло.

Отец все сопровождал пение звуками флейты; мать время от времени вступала, вторя сыну.

Но особенно хватало за сердце то, что мальчик переставлял и варьировал стихи этой строфы, не сообщая им какого-либо нового смысла, но повышая их выразительность тем чувством, которое он в них вкладывал.

Ангел сходит снова, снова...

О, как сладки песни веры,

Как отраден горний глас!

Среди ям, среди пещеры

Страшно ль детям в этот час?

Звуки пения святого

Далеко отгонят зло;

Сходит ангел снова, снова,

Избавленье с ним пришло.

Тут все трое с силою и воодушевлением начали:

Над землей творца десница,

И его над морем взор

Агнцем стали лев и львица,

И отхлынул волн напор.

Меч застыл, сверкая, в битве

Верь, надейся вновь и вновь

Чудодейственно в молитве

Открывается любовь.

Все притихли, внимательно вслушиваясь, и только когда песня отзвучала, стало очевидным ее умиротворяющее воздействие; каждый был растроган по-своему.

Князь, словно только сейчас осознавший беду, недавно ему грозившую, взглянул на жену; та прислонилась к нему, прикрыв глаза вышитым платочком. С какой радостью приняла она облегчение от гнета, который еще несколько минут назад теснил ее юное сердце. Воцарилась полнейшая тишина; казалось, все опасности были забыты: пожар там, внизу, а наверху предстоявшее пробуждение уснувшего льва.

Знаком приказав привести лошадей, князь первый внес движение в застывшую группу, затем он обратился к женщине:

— Итак, вы полагаете, что вашей песней, песней этого ребенка и звуками флейты вам удастся укротить сбежавшего льва и затем невредимым и безвредным загнать его обратно в клетку?

Они стали подтверждать свое обещание клятвами и заверениями; сторож был отпущен с ними в качестве проводника. Князь ускакал в сопровождении нескольких охотников; княгиня медленно последовала за ними с остальной свитой, а мать и сын вместе со сторожем, который уже успел раздобыть себе ружье, начали взбираться вверх по крутому склону.

У подземного входа, ведущего к замку, они столкнулись с охотниками, носившими хворост, чтобы на всякий случай развести большой костер.

— В этом нет нужды, — сказала женщина, — и без этого все обойдется благополучно.

Немного подальше они увидели Гонорию с двустволкой в руках, занявшего свой пост на одной из развалин и готового встретить любую опасность. Он едва заметил подошедших и продолжал сидеть, казалось, погруженный в глубокое раздумье; его рассеянный взор блуждал по сторонам. Женщина обратилась к нему с просьбой не зажигать костра, но он, видимо, не слышал ее слов; она продолжала говорить и наконец воскликнула:

— Прекрасный юноша, ты убил моего тигра — я не кляню тебя; пощади моего льва — и я тебя благословлю.

Гонорио смотрел прямо перед собой, туда, где солнце, совершив свой путь, клонилось к западу.

— Ты смотришь на запад, — воскликнула женщина, — и это хорошо; там найдется много дела; торопись же, не мешкай, ты все одолеешь. Но сначала одолей самого себя.

На эти слова он чуть улыбнулся, женщина пошла дальше вверх, но несколько раз оглянулась: красноватые лучи заходящего солнца освещали его лицо; никогда, подумалось ей, не видела она более прекрасного юноши.

— Если ваш мальчик, как вы уверяете, — обратился к ней сторож, — игрой на флейте и пением может завлечь и усмирять льва, то мы управимся очень легко. Страшный зверь залег как раз у тех сводов, через которые мы проложили ход в замковый двор; главные ворота погребены под обломками. Когда ребенок заманит его во двор, мне будет нетрудно завалить отверстие, а мальчик, если в этом будет надобность, ускользнет от зверя по винтовой лестнице, которую заметит в углу. Мы спрячемся, но я стану так, чтобы моя пуля в любую минуту могла прийти на помощь ребенку.

— Зачем все эти хлопоты? Господь и искусство, благочестие и удача придут нам на помощь.

— Пусть так, — отвечал сторож, — но я помню свой долг. Сначала я проведу вас, правда, по трудной дороге, на стены как раз насупротив того входа, о котором я говорил; оттуда мальчик спустится, можно сказать, на самую арену и вслед за собою заманит усмирленного зверя.

Так все и было; сторож и мать спрятались и сверху смотрели, как мальчик, спустившись по винтовой лесенке, появился на светлом пространстве двора и тут же исчез в темном отверстии, откуда тотчас же понеслись звуки его флейты. Мало-помалу они стихали и наконец вовсе умолкли. Наступила зловещая тишина; у старого, привыкшего к опасностям охотника стеснило грудь от этого необычного приключения. «Лучше бы уже самому пойти навстречу чудовищу», — мелькнуло у него в голове. Но мать, склонив голову и не выказывая ни малейшего волнения, прислушивалась, и страх ни разу ее омрачил ее лицо.

Наконец вновь слышались звуки флейты, мальчик вышел из подземелья со счастливыми сияющими глазами: лев шел за ним медленной, затрудненной поступью. Порою он явно хотел улечься, но мальчик вел его между покрытыми еще не опавшей яркой листвой деревьями и наконец, словно просветленный последними лучами солнца, пробившимися сквозь развалины стен, опустил на землю и вновь запел свою умиротворяющую песню, от повторения которой и мы не сумеем воздержаться:

Из пещеры в этой яме

Слышен мне пророка глас;

Сходят ангелы с дарами,

Страшно ль добрым в этот час?

Лев и львица снова, снова

Жмутся, льнут к нему тепло:

Пенье узника святого

Их в тенета завлекло.

Между тем лев улегся вплотную около ребенка и положил ему на колени свою тяжелую правую лапу. Мальчик, не прерывая пения, ласково поглаживал ее и вдруг заметил большой шип между когтями. Он осторожно извлек его, улыбаясь, снял с себя пестрый шелковый платок и перевязал страшную лапу хищника. Мать в радости простерла к нему руки и, возможно, начала бы по привычке вслух выражать свое одобрение и хлопать в ладоши, если бы сторож сурово не одернул ее, напоминая, что опасность еще не миновала.

Вслед за краткой прелюдией вновь торжественно полилась песня:

Над землей творца десница,

И его над морем взор;

Агнцем станут лев и львица,

И отхлынет волн напор.

Меч застыл, сверкая, в битве,

Верь, надейся вновь и вновь:

Чудодейственно в молитве

Открывается любовь.

И если мыслимо себе представить, что черты лютого зверя — властителя лесов, царя звериного царства, могут изобразить дружелюбие, благодарное довольство, то здесь это было именно так. И правда, словно просветленный, мальчик казался героем и победоносцем, а лев, пусть не побежденный, ибо скрытая сила еще оставалась в нем, был вновь укрощен, вновь доступен голосу миролюбия. Ребенок продолжал играть на флейте и петь, на свои лад сплетая строки и добавляя к ним новые:

Чистый ангел зачастую

В добрых детях говорит,

Укрощает волю злую,

Дело светлое творит.

Околдуют и привяжут

Звуки песни неземной,

И у детских ножек ляжет,

Зачарован, царь лесной.

Комментарии

Первоначальный замысел этого произведения относится к 1797 году, когда Гете хотел вслед за «Германом и Доротеей» написать другую поэму в гекзаметрах, под заглавием «Охота». Эта поэма, — «эпически романтическая», как о ней отзывался Гете четверть века спустя, — по его замыслу, должна была отступить от одной канонизированной основы эпоса — принципа ретардации (то есть замедления действия отступлением): «Мой новый сюжет не заключает в себе ни единого замедляющего момента; все идет с начала и до конца в прямой последовательности», — пишет он Шиллеру 22 апреля 1797 года. В обмене мнениями с Шиллером Гете приходит к решению писать поэму не гекзаметрами, как он думал первоначально, а рифмованной строфой, октавой или шестистроичной строфой, которой в 1823 году была написана «Мариенбадская элегия». Но задуманная поэма и в этом новом обличье не получалась. «Подождем, к какому берегу прибудет мою ладью добрый гений», — писал Гете Шиллеру 27 июня 1797 года. Работа над поэмой была приостановлена, и долгие годы в дневниках Гете ничего о ней не говорилось. Так проходят тридцать лет, и вдруг в октябре 1826 года Гете, листая старые рукописи, нападает на давно позабытый план некогда задуманной им поэмы. Поэт находит, что сюжет, изложенный в найденном плане, вполне подойдет для одной из прозаических вставных новелл, которыми изобилуют «Годы странствий Вильгельма Мейстера», тогда стоявшие в центре внимания Гете. Четырнадцать записей в дневнике писателя за один октябрь месяц 1826 года свидетельствуют об интенсивной работе над вновь ожившим замыслом. Гете развивает и пополняет план 1797 года, положенный в основу прозаического варианта поэмы, которую автор называет то «Чудесной новеллой», то «Охотничьим рассказом», то просто «Новеллой», то (уже в следующем году) снова «Охотничьим рассказом» и опять «Новеллой». На этом последнем заглавии Гете останавливает свой выбор уже окончательно. Под таким заглавием она и была напечатана впервые весной 1828 года в томе XV третьего издания Собрания сочинений Гете, осуществлявшегося книготорговцем Котта. «Новелла» и в самом деле знаменует собой наиболее чистый образец новеллистического жанра рассказа о «необыкновенном происшествии», в данном случае выписанном на фоне странно неподвижной природы, представляющей собою как бы подобие эффектной театральной декорации.

Форма «Новеллы» вполне отвечает ее содержанию; ее текст прост и доходчив, почему и не нуждается в каких-либо пояснениях.

Н. Вильмонт